ФИЛОСОФИЧЕСКОЕ РАЗСУЖДЕНІЕ

О

Началѣ и произшествіи богопочитанія у разныхъ а особливо невѣжественныхъ народовъ,

которое

производимый

публичнымъ ординарнымъ профессоромъ

въ

публичномъ собраніи

на

разсмотреніе предлагаетъ

Философіи и Свободныхъ Наукъ Магистръ

ДМИТРЕЙ АНИЧКОВЪ

1769. года, Августа 25. дня.

Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

* * *

Ваше, почтеннѣйшіе члены! щедрое представительство въ моемъ дѣлѣ, равномѣрно какъ и ваше единодушное избраніе меня въ показанное званіе, суть такія благодѣянія, за которыя обязуюсь я доказать себя на семъ мѣстѣ благодарнымъ и достойнымъ вашего обо мнѣ благопріятнаго мнѣнія. Ибо есть ли я столько могу похвалиться, что подъ вашимъ единственнымъ руководствомъ успѣлъ, и вашимъ будучи, такъ сказать, воспитанникомъ, къ участію равномѣрному нынѣ съ вами удостоиваюсь, то сколько такое попечительное, и сердцамъ вашимъ природное добротворство служитъ къ украшенію нашихъ временъ, и сколько оное имени вашему дѣлаетъ чести, и учащимся придаетъ ободренія, о томъ сами разсуждайте. Нынѣшнее ваше всегдашнее къ тому желаніе и стремленіе, чтобъ насадить и разпространить сей наукъ вертоградъ собственными плодами, и доказать оный свѣту собственнымъ вашихъ рукъ дѣломъ, преобратится вашимъ преемникомъ въ подобное желаніе и стремленіе, отъ чего напослѣдокъ произойдетъ въ потомкахъ всероссійская ревность и любовь къ наполненію училищъ достойными и совершеннѣйшими предводителями природными. И я нимало не сомнѣваюсь, что вы сему посильному моему

разсужденію, какъ произрастшему отъ васъ плоду, столько же отдадите уваженія по благопріятству ко мнѣ, сколько вы уже обыкли отдавать и всякому свое по истиннѣ и справедливости. Впрочемъ никто, развѣ мой недоброхотъ, и завистникъ возвышающемуся подъ вашимъ предводительствомъ учащемуся юношеству, не можетъ противъ предпріятаго мною разсужденія возстать съ клеветою или съ поношеніемъ, но напротивъ того я еще увѣренъ, что всякъ сдѣлаетъ мнѣ въ семъ случаѣ всякое снисхожденіе, и своими на оное благоразумными возраженіями поправитъ мою мысль неукоризненно, естьли только безъ пристрастія взойдетъ въ подробность моего винословія, и разсудитъ неудобность онаго по точнымъ причинамъ и обстоятельствамъ народнымъ.

По точнымъ причинамъ изслѣдовать произшествіе натуральнаго богопочитанія и боготворенія, есть не иное что, какъ учинить такое испытаніе натуры и души человѣческой, которая по своимъ непостижимымъ и часто сокровеннымъ отъ разума дѣйствіямъ, заводитъ испытателей своихъ въ не выходимый лабиринтъ. Ибо откуда то раждается, что иный облаку безводному и возходящей въ превыспренныхъ мѣстахъ тучѣ всякое благоговѣніе возсылаетъ со трепетомъ, когда напротивъ того другій, ставши на холмѣ съ жезломъ желѣзнымъ, ругается смертоносной молніи, и презираетъ колеблющій звукомъ небеса и землю громъ. (*) Какимъ образомъ мучимый подъ плугомъ въ предѣлахъ знойныхъ волъ, и закаляемый въ жертву тучный телецъ получали себѣ златое изваяніе, олтари и жертву у народовъ (**)? По чему

другія

(*) По нынѣшнимъ опытамъ, учиненнымъ надъ Электрическою силою, узнано, что ударяющая молнія на человѣка, держащагося рукою за желѣзо, не можетъ вредить, хотя бы желѣзо и разтопилось въ его рукѣ, ежели только оное будетъ такой прутъ или шестъ, который бы однимъ концомъ водруженъ былъ въ землю, а другимъ на аршинъ выше головы его стоялъ.

(**) Когда узнаетъ волъ, по что въ весенный зной
Подъ плугомъ мучится для пользы онъ чужой,
Иль будучи включенъ въ Египетскіе боги,
И лавромъ увѣнчанъ, пріемлетъ жертвы многи,
Тогда уже и мы возможемъ то понять,
Почто творецъ судилъ такими насъ создать.

См. Пола опытъ о человѣкѣ пис. 1. стран. 6.

другїя премногїя пресмыкающїяся на чревѣ, противныя воззрѣнїю человѣческому твари, и прозябающїя на поверьхности земной зелїя въ ликъ небесныхъ причтены? И наконецъ какимъ побужденїемъ человѣчество, и все, что наидражайшимъ, почиталось въ человѣчествѣ, принуждено было страдать въ угожденїе рукотворенному божеству? Утвержденныхъ нынѣ въ православномъ исповѣданїи Грековъ праотцы, отъ которыхъ Европа получила просвѣщенїе, дѣвицъ и юношъ въ жертву приносили идоламъ. Невѣстъ, какихъ только на услажденїе мыслей человѣческихъ истинный богъ и натура въ супружество даруютъ, Аѳиняне на олтарѣ закалали. О! сколь нещастный тотъ женихъ, который въ ихъ отечествѣ среди богатствъ, красотъ и убранства въ чертогѣ испещренъ сидѣлъ, ждущїй пришествїя невѣсты, какъ исполненїя всѣмъ своимъ желанїямъ, когда веденная къ нему на бракъ и сопряженная ужѐ душею и единомыслїемъ непорочная дщерь, на срединѣ и на верьху подобныхъ ему желанїй, внезапно горестное составлять позорище отводится, и будучи къ жениху всесожженная любовїю, въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ вдругъ всесожигается тѣломъ и предъ глазами родительскими за мнимое благополучїе морской Греческой силы. Толико золъ могло возпричинствовать суевѣрїе! вопїетъ Римскїй стихотворецъ. (*) Но что? одна ли Грецїя такого заблужденїя, и суевѣрїя была примѣръ? Египетъ и Iудея, отъ которыхъ напослѣдокъ вселенныя вождъ и великаго совѣта Ангелъ произыде, и отъ которыхъ всѣмъ истинный свѣтъ возсїялъ, были издревле источники всякаго многобожїя; и въ сихъ странахъ обитающїе народы не только животныхъ, но и самое былїе травное боголѣпно почитали (**). А когда народы,

 по-

(*) См. *Лукрец.* о натурѣ вещей кн. 1. стих. 102.

(**) См. *Ювенал.* Сатир. 15. о суевѣрїи Египтянъ.
O Sanctas gentes! quibus haec nascuntur in hortis
numina - - - - -
Сїе самое Г. *Ломоносовъ* на россїйскомъ языкѣ изобразилъ слѣдующимъ образомъ:
- - - - Коль святы тѣ народы,
У коихъ полны всѣ богами огороды!
См. *Ломонос.* рит. стран. 134.

просвѣщенные ученіемъ, и имѣющіе притомъ самаго бога издревле предводителемъ вовсѣмъ, подвержены были толикому заблужденію, то въ какомъ суевѣріи и богонеистовствѣ должны закоснѣвать варварскіе народы, на которыхъ еще ни ученія ни благодати божіей свѣтъ не возсіялъ?

Сіе въ тонкость изслѣдовать съ показаніемъ точныхъ причинъ многобожія, у разныхъ народовъ почитаемаго, есть дѣло не одного меня, но многихъ ученѣйшихъ мужей; и хотя не должно сомнѣваться о томъ, что нынѣшній ученый свѣтъ довольно въ состояніи удовольствовать и во всѣмъ почти любопытство человѣческое; однако въ такомъ испытаніи натуры человѣческой не меньшая еще предлежитъ опасность и отъ неугожденія по мыслямъ человѣческимъ. Для предъупрежденія отъ такого приключенія я долженъ здѣсь напомянуть о нѣкоторыхъ предъосторожностяхъ, какія наблюдать прилично по времени и по вкусу народному, дыбы въ противномъ случаѣ какой либо суевѣръ не почелъ моего разсужденія о толь странныхъ душй дѣйствіяхъ соблазнительнымъ. Сія опасность многихъ полезныхъ писателей перо преобратила въ собственный имъ страхъ и трепетъ. Но мы видимъ изъ исторіи, сколь великое въ томъ неблагополучіе рода человѣческаго, что тѣ самые, которые назывались проповѣдниками повелѣній небесныхъ, толкователями божества, и во всѣмъ не иными, какъ богомудрыми богословами, неоднократно доказывали себя наиопаснѣйшими роду человѣческому, и столько же вредными обществу, сколько они были не ясны и непостоянны въ своемъ ученіи, и которые сверьхъ того имѣли еще сердце столько наполненное ядомъ и гордостію, сколько они въ доброй душѣ и истиннѣ пусты были. Европѣ извѣстно, сколько разъ они силились привести вселенную во замѣшательство, и заставляли цѣлыя государства принимать оружіе и пламень на защищеніе ихъ чести и здорныхъ мыслей. Всякой благоразумный человѣкъ, который не держался не основательнаго ихъ мнѣнія, почитался безбожникомъ, и всякой вельможа, который безмѣрно ихъ не жаловалъ, проклинаемъ и отъ церкви ими отлучаемъ былъ; кратко сказать: по несправедливости разсужденій въ своей богословій, они мучили людей, и истребляли знатныхъ и ученыхъ мужей за дѣлà, за которыя одному токмо богу оста-

ставалось ихъ судить. Блаженны россовъ предки, что до ихъ предѣловъ не доходило такое коварное ученїе и враждебное исповѣданїе вѣры, за которое въ одну ночь по тридцати тысячь народа пропадало! (*) Но несказанно блаженнѣйшїе мы ихъ потомки, что въ наши времена владычествуетъ и обладаетъ нами Премудрая, трудолюбивая и милосердая **ЕКАТЕРИНА**, при которой мы можемъ, не выходя за предѣлъ благопристойности, несоблазнительно открывать свои мысли, и можемъ свободно доказывать, въ чемъ истинное богопочитанїе, и въ чемъ прямое блаженство каждаго и всѣхъ состоитъ. Такими наслаждаясь благопрїятными выгодами, и сохраняя притомъ православное исповѣданїе вѣры, я приступаю теперь къ моему разсужденїю, и моя должность состоитъ въ томъ, чтобъ показать причины, какїя были побужденїемъ у народовъ къ богопочитанїю и боготворенїю, съ нѣкоторымъ примѣчанїемъ о многобожїи и о разномъ преуспѣванїи народовъ въ разномъ исповѣданїи вѣры.

И такъ вопервыхъ надлежитъ намъ утвердить свои мысли въ томъ, что нѣтъ почти ни одного изъ знатныхъ дѣйствїй человѣческихъ такого, которое бы не имѣло своей побудительной причины, и нѣтъ притомъ ни одного средства, по которому бы можно было отличать единственныя дѣй-

---

(*) Такое кровопролитїе на вѣки поносительное случилось у Французовъ въ парижѣ 1572. года, Августа 24. дня, въ ночь на память С. *Варфоломея*, которая потому и называется *nox cruenta*. Къ сему празднику въ Парижъ, по наущенїю Езуитовъ, приглашены были всѣ протестанты, называемые *Гугеноты*, какъ на день бракосочетанїя Принцесы Маргариты, тогдашняго Короля Французскаго Карла IX. сестры, идущей въ супружество за Короля Наваррскаго. Десять тысячь людей православнаго исповѣданїя побито было старанїемъ оныхъ Езуитовъ въ ту ночь въ одномъ Парижѣ, а двадцать тысячь по разнымъ мѣстамъ Французскаго государства, и въ память такого варварскаго заколенїя и безчеловѣчїя сдѣлана была медаль, изображающая на одной сторонѣ Короля сидящаго на тронѣ, и попирающаго ногами кровавый трупъ человѣческїй съ дивизомъ: *virtus in rebelles*, а съ другой стороны гербъ увѣнчанъ между двумя столбами съ дивизомъ же *pietas excitauit iustitiam*. 24. August. 1572. см. Karin. l'histoire кн. 2. стран. 102.

дѣйствїй человѣческихъ причины отъ содѣйствующихъ совокупно съ единственными. Въ Физическихъ и неодушевленныхъ тѣлахъ, причины скорѣе познаются, и удобнѣе различаются однѣ отъ другихъ; на противъ того причины душевныхъ дѣйствїй иногда случаются столько содѣйствующими въ одной, что ни подъ какимъ видомъ не можно бываетъ узнать, которой изъ нихъ должно приписывать больше дѣйствїя; а иныя изъ сихъ не рѣдко бываютъ и такого непостижимаго свойства, что въ тотъ же часъ, какъ начинаемъ примѣчать оныя, перестаемъ и чувствовать дѣйствїе ихъ. Въ доказательство сего возьми всякъ на пр. человѣка воспаленнаго гнѣвомъ, который, сколько бы ни старался заподлинно узнать, отъ чего точно въ немъ духъ приходитъ въ такое треволненїе, когда во гнѣвѣ, не можетъ ни видѣть самого себя, ни чувствовать разгнѣваннымъ, но токмо испытующимъ гнѣвъ, потому что въ немъ и духъ, какъ скоро прекратится гнѣвъ, совсѣмъ другимъ чувствомъ объятъ бываетъ, и намѣреваемый имъ опытъ наконецъ безплоднымъ остается (*). Съ другой стороны естьли возмемъ въ разсужденїе любовь и пристрастїе, какъ содѣйствующїя причины въ одномъ человѣкѣ, то и въ такомъ случаѣ не можемъ мы сказать, которая изъ сихъ больше наваждаетъ человѣка, и утверждать, что одинъ человѣкъ любитъ другаго потому, что онъ пристрастенъ къ нему, будетъ точно обоюдное объ немъ утвержденїе. Равнымъ образомъ естьли возьмемъ примѣръ изъ Политическихъ причинъ, то и въ такомъ случаѣ не можемъ точно опредѣлить, отъ роскоши ли больше; или отъ безмѣрной обширности во владѣнїи Римляне пришли въ упадокъ, ибо какъ та, такъ и другая изъ сихъ причинъ дѣйствовали совокупно, когда правленїе Римское преклонялось къ паденїю и разоренїю. По чему и я заблаговременно долженъ увѣдомить, что и натуральнаго богопочитанїя причины, какїе намѣренъ я здѣсь показать, суть такого же свойства, то есть содѣйствующїя, а не единственныя, и главнѣйшими изъ оныхъ могутъ почтены быть *страхъ, припиденїе и удипленїе.*

I.

(*) Такой опытъ могутъ дѣлать надъ собою люди горячаго и вспыльчиваго сложенїя, и оный столько же имъ полезенъ будетъ, сколько и Азбука, которую древнїе совѣтовали читать неумѣреннымъ во гнѣвѣ.

I.
СТРАХЪ.

Что бъ доказать произшествіе богопочитанія и боготворенія отъ страха, привидѣнія и удивленія, то надобно вопервыхъ знать, какимъ образомъ натурально человѣкъ доходитъ до понятія о вышшемъ существѣ? И для такого намѣренія слѣдуетъ принять въ разсужденіе оныя первоначальныхъ и варварскихъ народовъ состоянія, въ которыхъ непросвѣщеннымъ людямъ чиноположенія почти не извѣстны были, а какъ скоро являться начали, то больше примѣчаемы и увеличиваемы быть стали простымъ народомъ. Опытъ притомъ и долговременная жизнь въ такія времена и у такихъ народовъ обыкновенно бываютъ одними источниками всякаго знанія и премудрости; того ради, положимъ на пр. что въ одномъ изъ такихъ первоначальныхъ семействъ (*), или обществѣ окажется сперва человѣкъ примѣтнымъ и отмѣннымъ въ знаніи, по причинѣ долговременнаго его житія и обращенія въ свѣтѣ, то такого человѣка знаніе молодымъ и необращавшимся въ свѣтѣ натурально покажется ужаснымъ и необыкновеннымъ такъ, что они отъ такого новоявленнаго въ человѣкѣ превозходнаго знанія будутъ приходить въ изумленіе и недоуменіе, и по той причинѣ будутъ отдавать одному такому человѣку всякую честь и поклоненіе со всякимъ раболѣпствомъ и трепетомъ. Но положимъ на пр. что вскорѣ за такимъ мудрецомъ въ семействѣ или обществѣ появится еще какой герой (**), и что сей послѣдній въ состояніи поднять камень, котораго трое или четверо и съ

 мѣста

(*) Семействами или обществами, какъ кто хочетъ называй, напредь сего почитались такія первоначальныя гражданства, и такими можно оныя понимать, какія были колѣна Іудейскія, сѣмя Авраамово, сѣмя Исааково и проч. которыя общества и священная Исторія доказываетъ не иными, какъ семействами, состоящими изъ одноземцовъ и однофамильцовъ.

(**) Странствовавшіе въ Американскихъ и Африканскихъ селеніяхъ сказываютъ, что такіе герои обыкновенно бываютъ у нихъ Государями, и почитаются какъ нѣкоторое божество, на которыхъ, когда они кушаютъ, народъ не смѣетъ взирать, но упадши ницъ на землю предъ оными лежитъ.

мѣста тронуть не могутъ, и что онъ одинъ побѣдилъ непрїятеля, которому многїе противостоять не могли. Сїи два прежде невиданные примѣры всеконечно подадутъ невѣжественнымъ народамъ ужасное понятїе о силѣ и премудрости несравняемой съ смертныхъ силами и премудростїю. Послѣ сихъ двухъ, т. е. силы и премудрости примѣровъ, ежели и еще покажется непросвѣщеннымъ какое третїе дѣйствїе, которое нижѐ силою, нижѐ премудростїю, но нѣкоторымъ неизвѣстнымъ имъ манїемъ содѣлано, то они имѣя ужѐ понятїе о сильномъ и премудромъ существѣ, безъ сомнѣнїя могутъ заключить, что еще есть и третїе превосходнѣйшее, нежели два первыя, существо. Такимъ образомъ, показавъ степенно возходящее первоначальныхъ народовъ понятїе о вышшемъ Существѣ, намъ не трудно будетъ доказать, сколь натурально невѣжественные народы̀ отъ страха, привидѣнїя и отъ удивленїя дѣлаютъ себѣ премножество разныхъ боговъ изъ всякаго непостижимаго явленїя, собывающагося въ натурѣ. Ибо извѣстно ужѐ изъ исторїи Варварскихъ народовъ, и довольными примѣрами засвидѣтельствовано, что дикїе народы̀ въ знанїи вещей почти не многимъ превосходятъ животныхъ, отъ которыхъ они, живучи въ натуральномъ состоянїи, и сами еще научаются многому (*). Извѣстно жъ притомъ и сїе, сколько въ превыспреннихъ и преисподнихъ натуры предѣлахъ случается чудовищъ, страшилищъ и смертноносныхъ явленїй, какихъ и нынѣ простый народъ не понимая, какъ отъ непрїязненныхъ, крестообразно защищается; слѣдовательно человѣкъ, котораго натура отъ рожденїя несмысленнымъ и страдательнымъ въ такїя бѣдственныя ввергаетъ обстоятельства, не можетъ не подверженнымъ быть великому заблужденїю, и не можетъ на ужасное, не обыкновенное и непостижимое, въ натурѣ собывающееся инако̀ взирать, какъ только со трепетомъ и возхищенїемъ всегдашнимъ. Порывчивое въ немъ воображенїе, какъ необузданный конь, стремится съ преткновенїемъ на все, и влечетъ безъ разума повсюда разсыпанныя его мысли въ черную тѣнь страшныхъ думъ; спаситель разумъ сихъ не

(*) На пр. употребленїе лекарствъ, по признанїю самыхъ врачей, взято отъ животныхъ.

не можетъ успѣвать за оными, но оставляетъ все мыслей смертнаго строенїе на зыблющемся непрестанно основанїи. По чему оставленное безъ такого надзирателя, и восхищенное страхомъ воображенїе представляетъ непросвѣщенному и слабому человѣку всякую вещь въ страшномъ видѣ, отъ чего онъ, на подобїе звѣря, дичится, ужасается и трепещетъ, и думаетъ, что во всякомъ встрѣчающемся съ его чувствами предметѣ присутствуетъ нѣкоторое невидимое существо, вооружающее всю тварь и всякую вещь противъ него. Шумящїй отъ вѣтра въ ночи кустъ, и трясущееся листвїемъ дерево представляются ему нѣкоторымъ непрїязненнымъ духомъ; сверкнувшая и упадшая съ высоты на землю молнїя кажется ему онымъ небеснымъ путемъ, по которому нѣкоторый всесильный Юпитеръ съ своимъ ужаснымъ воинствомъ скорѣе мыслей человѣческихъ лѣтаетъ; отзывающїйся въ нѣдрахъ земныхъ трескъ, и изходящїй изъ тучныхъ горъ пламень приводятъ ему на мысль негодованїе преисподнихъ боговъ; возходящїя изъ глубины морской съ сверкающими чешуями чудовища наводятъ на него новый ужасъ, и въ изумленїи представляются ему новымъ и въ безднѣ обитающимъ божествомъ. Кратко сказать: отъ страха у непросвѣщенныхъ народовъ произошли богами Юпитеръ, Сатурнъ, Марсъ, Нептунъ, Сатиры, и премножество другихъ небесныхъ и преисподнихъ боговъ. И что подлинно страхъ и воображенїе были первые источники толикаго многобожїя, тому неоспоримымъ доказательствомъ суть оставшїяся и донынѣ находящїяся языческихъ боговъ изваянїя и изображенїя, изъ которыхъ многїя точно начертаемы и вырѣзываемы были предзнаменовательно изображающими дѣйствїя, къ единственному ихъ благоволенїю принадлежащїя, какими и нынѣ пишутся Цересъ, Дїана, Минерва, Венера, Купидонъ, Бахусъ и подобные симъ. Однако почему у нихъ Сатиры, т. е. лѣшїе, изображились въ половину человѣкомъ и въ половину скотомъ, и кто подалъ понятїе смертному о черномъ демонѣ въ такой ужасной и скаредной ипостаси съ багровымъ носомъ, съ рогами и съ хвостомъ? (*) сїи и подобныя симъ

 мни-

(*) Вперило людямъ въ умъ, что съ молнїей всегда,
снизходятъ Боги къ намъ отъ горнихъ мѣстъ сюда.

Когда

мнимыя сушества суть дѣло воображенія, произведеннаго внезапнымъ и великимъ страхомъ, который во многихъ, а особливо въ слабыхъ, примѣчается столь сильно дѣйствующимъ, и насилующимъ самую природу, что иногда дѣйствительно перемѣняетъ и самое зрѣніе натуральное въ человѣкѣ. Внезапно возкипѣвшее отъ страха въ артеріяхъ крообращеніе, и сильное притомъ случившееся біеніе сердца, соединенное съ ужаснымъ трепетаніемъ всего тѣла, довольно въ состояніи возпричинствовать въ оптическихъ нервахъ такую

Когда жъ разсядется земля, то всѣ чудища.
къ намъ идутъ въ скважины изъ адскаго жилища;
что есть на небесахъ веселія мѣста,
что подъ землею страхъ, печаль и тѣснота,
страхъ выдумалъ бѣсовъ, и къ нимъ приставилъ роги.
см. опытъ о человѣкѣ *Г. Пола.* письмо 3. стран. 49.
см. также *Лукрец.* кн. 5. сти. 1160 и слѣд. тойже кн. стихъ 1216 и слѣд. кн. 6. стихъ 49. и слѣд. и овид. письм. Героич. XIII. стихъ 150. гдѣ изображено слѣдующее:

Nunc quae cauſa Deûm per magnas numina genteis
peruolgarit, et ararum compleuerit vrbeis,
ſuſcipienda que curarit ſolemnia ſacra,
quae nunc in magnis florent ſacra rebu' locisque;
vnde etiam nunc eſt mortalibus inſitus horror,
qui delubra Deûm noua toto ſuſcitat orbi
terrarum, et feſtis cogit celebrare diebus:
LVCRET. lib. 5. ver. 1160 et ſeqq.

Praeterea, cui non animus formidine Diuûm
contrahitur? cui non conrepunt membra pauore,
fulminis horribili cum plaga torrida tellus
contremit, et magnum percurrunt murmura caelum.
LVCRET. lib. 5. ver. 1216. et ſeqq.

Caetera, quae fieri in terris, caeloque tuentur
mortales, pauidis cum pendent mentibus ſaepe,
efficiunt animos humiles formidine Diuûm,
depreſſos que premunt ad terram, propterea quod
ignorantia cauſarum conferre Deorum
cogit ad imperium res, et condere regnum:
LVCRET. lib. 6. verſ. 49. et ſeqq.

- - - - nos anxius omnia cogit,
quae poſſant fieri, facta putare timor.
OVID. Epiſt. XIII. heroid. ver. 150.

такую перемѣну, отъ которой и глаза человѣческiе не могутъ представлять являемыхъ, во время страха, вещей въ собственномъ и натуральномъ ихъ видѣ. Разумъ въ такомъ случаѣ уступаетъ самъ воображенiю, и будучи симъ преодолѣнъ, признаетъ за существо, какого, кромѣ какъ токмо въ мысляхъ человѣческихъ, ни гдѣ въ натурѣ не обрѣтается. Въ такихъ обстоятельствахъ находясь человѣкъ, т. е. будучи обладаемый, во время страха, воображенiемъ, и окружаемый отвсюда различными явленiями, удобно можетъ наконецъ увѣренъ быть, что и на всякомъ мѣстѣ, гдѣ только такiя странныя натуры дѣйствiя случаются, присутствуетъ нѣкоторое невидимое и вышнее существо, котораго силою вся совершаются (*), и которому онъ, какъ вышшему смертныхъ, принужденъ молиться, и почитать оное боголѣпно, дабы въ противномъ случаѣ оное ему не вредило, и призываемое въ молитвѣ благодѣтельствовало. И такъ отъ страха вопервыхъ произошло многобожiе, и страхъ первыхъ въ свѣтѣ произвелъ боговъ (**).

II.

ПРИВИДѢНIЕ. (***)

Но только ли, что страхомъ и однимъ воображенiемъ многобожiе языческое совершается? Никакъ. Ибо за однимъ качествомъ души слѣдуетъ другое, и воображенiе однажды вперивъ въ голову особливо что либо странное и необыкно-

Б 3 венное

(*) Quippe ita formido mortaleis continet omnes,
quod multa in terris fieri, caelo que tuentur,
quorum operum causas nulla ratione videre
possunt, ac fieri diuino numine rentur.

vid. LVCRET. lib. I. ver. 151 et seqq.

(**) Primus in orbe Deos fecit timor, ardua caelo
fulmina cum caderent, discussa que maenia flammis,
atque ictus flagraret athos.

vid. PEURONIUS.

(***) Чрезъ привидѣнiе я разумѣю здѣсь невещественные образы, какими у древнихъ назывались ideae, phantasmata, simulacra et imagines rerum.
Nunc agere incipiam tibi, quod vehementer ad has res
attinet, esse ea, quae rerum simulacra vocamus;
quae quasi membranae summe de corpore rerum
dereptae volitant vltro citro que per auras

atque

венное, навсегда предаетъ оное памяти, которая, при встрѣчающихся подобныхъ прежде бывшимъ случаяхъ и мѣстахъ, возобновляетъ все то, что тревожило человѣка прежде за нѣсколько лѣтъ. Отъ чего и страхъ однажды вперенный въ умъ, напослѣдокъ бываетъ налогомъ природѣ человѣческой. Истинно удивленія достойно, что тѣ самыя качества, которыми смертный превышаетъ прочихъ животныхъ, и уподобляется вышнему, служатъ иногда столькоже къ пагубѣ, сколько и къ совершенству человѣческаго существа. Однѣ мысли раждаютъ въ насъ другія, а какъ первыя такъ и послѣдния, питая наши души, прекращаютъ у насъ жизнь. Геройскихъ мыслей сила стоикъ отваживался въ глубокой древности доказать себя непоколебимымъ противъ всѣхъ непріязненныхъ нашему существу помышленій (*); однако всуе все такое было его сопротивленіе противъ природы, и можетъ статься, что до такого величества душй никто еще изъ смертныхъ не достигъ, и не достигнетъ никогда. Мы чувству-

atque eadem nobis vigilantibus obuia menteis
terrificant, atque in somnis, cum saepe figuras
contuemur miras, simulacra que luce carentum;
quae nos horrificè langueuteis saepe sopore
excierunt.

vid. LVCRET. de rerum nat. lib. 4. ver. 35 et seqq.

Cuius, vti memoro, rei simulacrum et imago
ante oculos semper nobis versatur et instat

Idem. lib. 2. ver. 111 et 112.

Nam veluti pueri trepidant, atque omnia caecis
in tenebris metuunt: sic nos in luce timemus
interdum, nihilo quae sunt metuenda magis, quam
quae pueri in tenebris pauitant, fingunt que futura.

Idem lib. 3. ver. 87.

(*) Стоики утверждали, что не должно человѣку и въ самыхъ крайностяхъ унывать духомъ, но надлежитъ стараться съ посильнымъ напряженіемъ, чтобъ не доходить до крайностей; при которомъ напряженіи, естьли не удастся преодолѣть всѣ крайности, то тогда уже и все злополучіе должно почитать за ничто, хотя бы отъ онаго воспослѣдовало потеряніе жизни, фамиліи, или и цѣлаго государства раззореніе. Словомъ: для стоиковъ смерть копѣйка, голова нажитое дѣло, и все бездѣля.

чувствуемъ ежечасно, сколь трудно намъ бороться со страстьми, сколь не удобно сопротивляться порывчивому воображенію, и сколь не въ силахъ мы выгнать изъ памяти, что иногда и по пустому воображенію въ нея вселяется. И напротивъ того у насъ есть больше охоты и склонности къ воспоминанію того, что больше намъ страннымъ и непріязненнымъ однажды показалось. Когдажъ сіе дѣйствительно и ежечасно съ нами случается, а притомъ и въ такіе вѣки, въ которые столько уже средствъ противъ худыхъ воображеній, и противъ несправедливыхъ разсужденій изъискано: то какому неспокойству души, и какому заблужденію въ мысляхъ должны подвержены быть народы, которые, для своей скудости ума, едва ли еще въ состояніи и два отличить отъ трехъ. Въ такомъ недостаткѣ разума человѣкъ дѣйствительно принимаетъ за истинное существо, что только есть мечта и одно привидѣніе (*). И сіе принявъ во первыхъ въ мысли своей за истинное, послѣ старается хотя простыми, но токмо усердными изобразить начертаніями, и предать оныя потомкамъ отъ рода въ родъ, и на множество вѣковъ такъ, что напослѣдокъ ни строгость Философіи, ни твердость разума, и ниже самое премудрое правленіе сего богонеистовства прекратить не можетъ. Ибо невѣжды и не просвѣщенные дѣйствительно услаждаются такими заблужденіями, и придумывая привидѣнія на привидѣніе, умножаютъ и увеличиваютъ многобожіе и свое богонеистовство. Нынѣ всякъ довольно увѣренъ, что Юпитера и подобныхъ сему никто руками въ самомъ дѣлѣ никогда не осязалъ; однако таже мечта и привидѣніе, которыя вскорѣ, по представленіи его въ мысляхъ, и невидимымъ человѣку дѣлаютъ, побудили смертнаго употребить руки и разумъ къ изваянію и начертанію онаго, съ находящимся въ рукѣ его множествомъ молніи, и съ другими ему приписанными принадлежностьми. Въ православномъ исповѣданіи ни гдѣ не сказано, какой точно и гдѣ находится для праведныхъ рай, а для грѣшныхъ адъ; о первомъ

(*) ſed quaedam ſimulacra modis pallentia miris:
vnde ſibi exortam ſemper florentis Homeri
commemorat ſpeciem,
vid. LVCRET. de rerum nat. lib. I. ver. 125 et ſeqq.

первомъ и самъ Апостолъ утверждаетъ, что оный есть такое жилище, какого еще око смертныхъ не видало, ухо не слыхало, и которое на сердце человѣку еще никогда не всходило. О второмъ же Златоустъ, когда его спрашивали, говорилъ, что и вѣдать не нужно, гдѣ и каковъ есть точно Адъ, а совѣтовалъ только всячески стараться, чтобъ не попасться никому въ оный. Однако многїе суть и въ Христїанствѣ столько богонеистовые, которые насъ клятвенно и нынѣ увѣряютъ, что они, особливо въ недугахъ, дѣйствително видѣли Рай и Адъ, и что первой представлялся имъ прекраснѣйшимъ садомъ, преисполненнымъ веселїя, а другой преужаснымъ котломъ, клокочущимъ несгараемою нѣкоею жирною матерїею, и что они при всемъ такомъ привидѣнїи, будучи съ душею и тѣломъ на семъ жилищѣ, видѣли бога, котораго они и въ гаданїи не познаютъ, лицемъ къ лицу, и дїаволовъ также. Равнымъ образомъ и изъ древнихъ никто дѣйствително, развѣ только одними мыслями, не снисходилъ въ преисподнїя тартара жилища, и не бывалъ на Елисейскихъ поляхъ; однако преданїя сихъ учатъ, что и въ ихъ тартарѣ есть печаль и тѣснота, а въ раю веселыя и пространныя уготованы мѣста. И хотя многїе Миѳологи толкуютъ все языческое многобожїе другимъ образомъ; однако съ большею вѣроятностїю можно утверждать, что оное все произходило просто отъ мечты, привидѣнїя, и отъ великаго суевѣрныхъ углубленїя и закоснѣнїя въ такихъ мысляхъ. Изъ сего всякому не трудно догадаться, коликому бы неблагополучїю родъ человѣческїй подверженъ былъ, ежели бы, по прошествїи болѣзни, вскорѣ забвенїю предаваемы не были оныя невещественныя и ужасныя привидѣнїя, отъ которыхъ одержимые сильными горячками столько мучатся. Отсюда также можно видѣть, сколь не человѣчески поступаютъ тѣ, которые малолѣтнымъ отрокамъ дозволяютъ читать, и сами разсказываютъ о демонахъ, о лѣшихъ и о прочихъ страшилищахъ. Ибо отъ такихъ не чувствително вкрадывающихся въ младенческїя мысли идей нѣжное отрочество страждетъ безмѣрно (*). Отъ сихъ также старые напрасно мучатся, и одержимые болѣзнь-

(*) Когда младенца плачущаго чемъ нибудь страшнымъ унимаютъ, напоминая ему то, чего уже онъ и самъ ужасается, то сїе иногда съ

болѣзньми сугубо претерпѣваютъ. Словомъ: отъ невещественныхъ привидѣнiй больше суевѣрiя, многобожiя и зла раждается въ свѣтѣ, нежели отъ какихъ другихъ причинъ.

III.

УДИВЛЕНIЕ.

Что Варварскiе и непросвѣщенные народы иногда и отъ удивленiя къ необыкновеннымъ качествамъ человѣческимъ боготворятъ подобныхъ себѣ смертныхъ, о томъ почти и сомнѣваться не можно. И сiе самое хотя я ужѐ нѣсколько и изъяснилъ двумя примѣрами премудраго и сильнаго существа; однако надобно еще пространнѣе доказать въ какихъ обстоятельствахъ, и въ разсужденiи какихъ наипаче качествъ человѣческихъ и вещей, не просвѣщенные возхищаются удивленiемъ, и по причинѣ онаго богонеистовствуютъ. Обстоятельства народныя, кромѣ другихъ примѣтъ, могутъ быть намъ извѣстными наипаче по натуральному и прiобрѣтенному состоянiю. Ибо въ натуральномъ есть, когда народы скитаются въ лѣсахъ, степяхъ и по горамъ разсыпанные безъ утвержденнаго жилища, вопервыхъ тѣлѣсныя качества, примѣченныя въ человѣкѣ, боголѣпно почитаются превозходными, потóму что у такихъ народовъ силою и огромнымъ тѣла движенiемъ все почти совершается, а не остротою разума и прозорливостiю, и такiя качества служатъ имъ премного при всякихъ встрѣчающихся случаяхъ, какъ на пр. на войнѣ, на ловлѣ и во всякихъ важныхъ предпрiятiяхъ.

съ такимъ успѣхомъ совершается, что и пришедши въ возрастъ ребенокъ, не смѣетъ ночью вытти одинъ изъ покоевъ, и будучи наполненъ и напуганъ такими страшными идеями, иногда и апоплектическимъ ударомъ поражается, что, можетъ статься, въ самомъ дѣлѣ тоже самое есть, что простые говорятъ, будто бы въ то время нѣкiй родимецъ бьетъ ребятъ, при которомъ приключенiи естьли въ скорости не будетъ употреблена такая предъосторожность, чтобъ закутать ребенка и скрыть его отъ свѣта, то онъ по смерть сумошедшимъ останется. О семъ медики основательнѣе, нежели я, могутъ разсуждать. Впрочемъ опытомъ сей премудрости наученный простый народъ, и такое средство въ такихъ припадкахъ съ великимъ успѣхомъ употребляетъ.

прїятїяхъ. Слѣдовательно тотъ, который превозходилъ всѣхъ сверстниковъ въ силахъ, и оными совершалъ великїя чудодѣйствїя, натурально привлекалъ на себя взоръ всѣхъ зрителей. Непросвѣщенные зрители въ такихъ обстоятельствахъ, т. е. отъ безмѣрнаго толикому Героя могуществу и силѣ удивленїя въ изумленїе приходятъ, и его одного поставляютъ выше жребїя смертныхъ, будучи въ такомъ мнѣнїи, что онъ не собою, но нѣкоторымъ невидимо присутствующимъ въ немъ существомъ такїя не обыкновенныя, и невозможныя дѣла совершаетъ. Такъ на пр. положимъ, что одному изъ варваровъ удалось свирепаго тигра и неприступнаго льва страшныя челюсти растерзать, или одною рукою поколебать какое огромное зданїе со множествомъ находящагося въ немъ народа, то сїи его дѣла будутъ доказывать, что онъ Геркулесъ, Самсонъ и Атласъ. Или положимъ еще, что и другому удалось однимъ ударомъ низвергнуть и обезглавить ужасно вооруженнаго какого либо Исполина, то предъ такимъ вскорѣ всѣ затрепещутъ, и ему одному въ пѣсняхъ жертву возсылать станутъ. И такъ отъ удивленїя произошло новое земнородное божество, которому глубокая древность воздвигла олтари и храмы, и сихъ, гремящихъ по вселенной славою, смертныхъ сыновъ имена въ неприступномъ сїянїи написаны были на блестящихъ златыхъ скрыжалѣхъ, имїже и изваянїя содѣланы изъ неветашаемаго металла и твердаго мрамора. Потомки, съ восхищенїемъ взирая на такое рукотворенное существо, напослѣдокъ причли ихъ въ ликъ небесныхъ, и вѣки оныхъ назвали Геройскими. (*)

Но какъ искуство по природѣ есть вторый источникъ совершенствъ человѣческихъ, и натуральное притомъ состоянїе

(*) Изъ миѳологїи извѣстно, что древнїе богатыри наконецъ всѣ почти назывались *полубогами*, или *меньшими богами* (semidii, vel dii minores, nec non dii medioxumi). У древнихъ также *Геройскимъ вѣкомъ* (Heroica aetas) назывался оный вѣкъ, чрезъ который нынѣ разумѣются первоначальныя народовъ общества въ трояком состоянїи, то есть, 1) когда они живутъ ловлею дикихъ животныхъ, 2.) когда начинаютъ присвоивать и прїучать животныхъ, и живутъ ордами въ изобилїи скота, и 3.) когда они начинаютъ жить хлѣбопашествомъ и на утвержденныхъ жилищахъ.

стоянїе народовъ по своему теченїю перемѣняется въ лучшее, и возвышается въ совершеннѣйшее; того ради и качества человѣческїя, оказываемыя въ возвышающемся смертныхъ состоянїи, натурально кажутся еще удивительнѣйшими несравненно первыхъ. Ибо какъ скоро народы начинаютъ приходить въ познанїе вещей и самыхъ себя, то они опытомъже узнаютъ и то, что хитростїю, проворствомъ и подобными симъ душевными качестами несравненно щастливѣе и большїя совершаются дѣла, нежели однимъ Гиганскимъ сложенїемъ тѣла. Почему премудрый законодатель и утвердитель общества въ возвышающемся состоянїи натурально удивительнѣйшимъ кажется, нежели Геркулесъ и подобные тому богатыри. Ибо въ семъ случаѣ несравненно большїя дѣла, и съ большею удобностїю производятся. Слѣдовательно, естьли кто, произшедши отъ не извѣстной породы, здѣлается напослѣдокъ вождомъ народнымъ, и повлечетъ за собою тьмы разныхъ народовъ, разнаго состоянїя и разныхъ нравовъ, такое удачливое дарованїе души не только самовидца, но и слышащаго натурально приводитъ въ изумленїе, и заставляетъ думать, что такой человѣкъ имѣетъ или непосредственное сообщенїе съ нѣкоторымъ невидимымъ существомъ, или въ его ипостаси самъ всесильный богъ толикїя и такїя совершаетъ дѣла. А что такїе предпрїимчивые люди могли случаться особливо въ первенствующїя вѣки, о томъ и сомнѣваться не должно. Ибо не льзя статься, что бы всѣ смертные и въ какїя нибудь времена были одинакаго сложенїя, одинакаго дарованїя, или проворства и хитрости; сверьхъ сего и то надобно знать что такому произведенїю великихъ и представляющихся богу подобными людей не меньше въ тогдашнїя времена споспѣшествовала оная не просвѣщенныхъ народовъ легковѣрность, по причинѣ которой они аки бы съ природы весьма склонны были приписывать человѣку, превозшедшему въ одномъ, и всѣ качества, какїя одному токмо богу приличествуютъ. Въ какихъ обстоятельствахъ Жрецы въ не обыкновенной испещренные одеждѣ невѣждамъ казались имѣющими непосредственное сообщенїе съ онымъ существомъ, къ которому и весь прибѣгаетъ народъ. И сей, по несправедливости своихъ разсужденїй, однимъ аналогическимъ

образомъ и то еще заключалъ часто, что Жрецамъ, какъ ближайшимъ всегда къ богу предстателямъ, натурально слѣдуетъ поручить и все правленіе. Сходно съ такимъ заключеніемъ мы видимъ изъ Исторіи Варварскихъ вѣковъ, что такіе Жрецы были купно и правителями цѣлаго народа, каkими примѣчаются у древнихъ британцовъ Друиды, а у Турокъ Магометъ, который и одинъ есть довольнымъ доказательствомъ сея истинны. Отъ сего такожъ ослѣпленнаго удивленія народнаго, не упоминая другихъ причинъ политическихъ, и Папа Римскій сдѣлался намѣстникомъ божіимъ. и по подобному о себѣ простаго народа разумѣнію, принялъ мечь духовный и гражданскій.

Впрочемъ свободно можно утверждать, что невѣжественные народы не токмо подобныхъ себѣ смертныхъ, но равномѣрно и самыя неодушевленныя вещи, по причинѣ необыкновеныхъ ихъ дѣйствій, боголѣпно почитали. И такихъ вещей, о которыхъ и нынѣ невѣжды отъ удивленія богонеистовствуетъ, находится въ натурѣ неизчерпаемое море; почему оставляя многихъ изчисленіе и описаніе, можно только то вообще здѣсь доказывать, что непросвѣщенные удивляются вещамъ, и оныя отъ удивленія боготворятъ единственно по незнанію точныхъ причинъ, производящихъ странныя въ вещахъ дѣйствія. Ибо у простолюдимовъ и нынѣ самое высочайшее о непонятныхъ имъ вещахъ виннословіе не далѣе простирается, какъ токмо до того, что *Богъ вѣдаетъ* о томъ, чего они не поминаютъ; здѣсь все ихъ пространство разсужденій кончится, и за сей предѣлъ болѣе они винословствовать не могутъ. И ежели кто поумнѣе станетъ доказывать простому человѣку, какимъ образомъ точно произходитъ что въ натурѣ, на такого знатока онъ еще вознегодуетъ, и будетъ желать, что бы тотъ, кто инако толкуетъ ему чтолибо непонятное и необыкновенное, внезапно наказанъ былъ тѣмъ же самымъ дѣйствіемъ вещи, которое онъ отъ удивленія и отъ ослѣпленія за божественное почитаетъ. (*) Слѣдовательно есть-

ли

(*) Когда въ Петербургѣ Профессоръ *Рихманъ* по причинѣ той, что его, такъ называемый *Кондукторъ*, не имѣлъ сообщенія съ землею, Електрическою силою былъ убитъ, тогда весь простой народъ еще и обрадовался тому, что Богъ такъ наказалъ его за то, что онъ вышшее своего понятія изпытывалъ.

ли для обмана простыхъ людей и для скверной прибыли выдумаетъ жрецъ какое либо изваянїе, или образъ плачущїй водою сквозь потаенныя скважины, или оракулъ глаголющїй необыкновеннымъ Механическимъ голосомъ, то къ такому мѣсту тотчасъ толпами пойдутъ идолопоклонники молиться и удивляться какъ новоявленнымъ чудесамъ. Равнымъ образомъ естьли електрическая сила, стремясь изъ земли въ выспрь, выходить станетъ, и одерживаемая металломъ на гранадерской головѣ, освѣтитъ шишакъ онаго, то Римскїй матросъ, увидѣвъ сїе, безъ сомнѣнїя заключитъ, что ему явился Касторъ либо Поллюксъ, и не приминетъ приписать свою побѣду онымъ. Я Премного о такихъ и подобныхъ симъ явленїяхъ баснословитъ Римскїй Историкъ Ливїй. Подобноежъ примѣчается богонеистовство, произходящее отъ удивленїя и у нынѣшнихъ невѣжествѣнныхъ варваровъ, какъ то изъ Ансонова путешествїя извѣстно, что когда его военный корабль приплылъ къ народамъ никогда невидавшимъ такой величины судна, то зрители, примѣтя оное движимое нѣкоторою невидимою силою, по выстрѣлу изъ одной пушки, всѣ пали на колѣна, и оному поклонились. Подобнымъ образомъ и Камчадалы думали, что Руские солдаты были сыны Громовы, и никакимъ ихъ оружїемъ непрепобѣждаемые, когда въ первой разъ увидѣли отъ нихъ залпъ и бѣглой огонь изъ ружейнаго выстрѣла. Кратко сказать, для невѣждъ всякая необыкновенная вещь кажется божественною. Изъ всего, что я ни говорилъ здѣсь кажется довольно явствуетъ, что *причинами суевѣрїя*, многобожїя и богонеистовства были главными страхъ, привидѣнїе и удивленїе. А какъ сїи причины дѣйствовали, и имѣли свой успѣхъ, то есть совокупно ли всѣ, или порознь каждая, того я доказывать на себя не принимаю, довольно съ моего знанїя прибавить къ симъ еще одну, какъ содѣйствующую причину, какою я поставляю оную природную особливо простымъ народамъ склонность ко лжи, по которой они столь ревностно всегда увеличивать готовы всякую вещь и всякое явленїе, какїя только имъ странными и непонятными кажутся. Ибо во всякомъ человѣкѣ, не выключая и просвѣщеннаго, дѣйствительно примѣчается столько склонности къ тщеславїю, самовластїю и къ самолюбїю,

сколько и ко лжи. Почему ходящая толпами на поклоненїе къ идоламъ языческая чернь, и оттуда обратно возвращающаяся несравненно усугубляетъ и увеличиваетъ видѣнное тамъ больше, нежели какъ оно въ самомъ дѣлѣ было. Слышащая отъ нея другая чернь охотно принимаетъ то, и разсказы на разсказы прибавляя, весь наполняетъ свѣтъ многобожїемъ, суевѣрїемъ и лжею. Отъ чего напослѣдокъ языческая вѣра во всемъ бываетъ не иное что, какъ введенное преданїемъ обыкновенїе, и долговременнымъ наблюденїемъ утвержденное богонеистовство, котораго безъ опасныхъ слѣдствїй не токмо перемѣнить, но ниже̇ поправить не можно. Ибо все то, что множествомъ народа принято, и повсемѣстно наблюдается чрезъ множество вѣковъ, весьма трудно отмѣнить. Народъ за то обыкновенно вездѣ негодуетъ на правленїе, и въ противномъ случаѣ возъярясь и взбѣсясь, до крайностей великихъ доходитъ, и стоитъ за свои заблужденїя, не щадя ни душѝ ни тѣла̀. Доказывать сїе примѣрами, излишнымъ покажется.

Теперь узнавъ, отъ какихъ причинъ, и коликому заблужденїю въ вѣрѣ подверженнымъ бываетъ смертный, въ слѣдующемъ внемли всякъ православному исповѣданїю, которое учитъ почитать истиннаго бога въ любви и простотѣ сердца; прямому божеству жертва и кадило мерзостны но жертва оному благопрїятна, *сердце чисто, и духъ сокрушенъ.* Глубока древность отъ заблужденїя и отъ несправедливости разсужденїи понимала бога однимъ страшилищемъ и призывала его съ высоты въ смертоносномъ блескѣ, и изъ вездны въ пламени огненномъ. Одно Христїанство признаетъ его источникомъ всякїя благости и щедротъ, (*) и обуреваемое въ напастяхъ, къ нему вопїетъ: Авва отче! и прибѣгая къ нему на всякой часъ, представляетъ его родителемъ веселящимся о всѣхъ смертныхъ, аки о своихъ чадѣхъ. Христїанство учитъ *любить Бога всею душею и всѣмъ помышленїемъ, и ближняго своего, аки самого себя.*

O!

(*) Нигдѣ въ исторїяхъ, ни въ стихотв цахъ языческихъ не примѣчается, чтобъ Богъ назывался у нихъ всемилостивымъ о доброжелательнымъ роду человѣческому. Онъ у нихъ вездѣ описывается страшнымъ, и акибы самымъ страшил емъ, что самое доказываетъ, что Богъ произходилъ у нихъ отъ страха.

О! когда бы сїе одно составляло въ самомъ дѣлѣ все православїе, и сїе одно только вперяли бы въ умъ смертнымъ истинные величества божїя проповѣдники! На сихъ, увѣряетъ Спаситель самъ, основанъ весь законъ Христїанскїй, и сїе сходно съ натуральнымъ разсужденїемъ и съ самою строгостїю Философїи. И ежели бы сїе жъ самое и въ дѣйствїе всемїрно произведено было, никогда бы не было въ Христїанствѣ несогласїй, ни расколовъ; жили бы всѣ безъ браннаго навѣта, и всякому бы свое, какъ должное, отдавалось. Но въ томъ великое смертныхъ неблагополучїе! что и самое Христїанство столько ужѐ превратилось отъ своей первоначальной Сущности, и разторгнулось на толикїе раздоры, что въ оныхъ согласить смертныхъ и множества вѣковъ не довольно. Боже! удали отъ Россїйскїя церкви такое злоупотребленїе, излей отъ Духа благодати твоего на заблуждающихъ въ Бринскихъ лѣсахъ, и на непросвѣщенныхъ въ сѣверѣ; соедини всѣхъ насъ въ единомыслїе о Тебѣ, и утверди по вселенной истинную и одну вѣру.

